

Елена Пономаренко «Платье в серый горошек»

Тихое летнее утро разорвали на части взрывы снарядов и бомб. Бомбили и наш пионерский лагерь...

Мы с подругой выскочили на улицу и закричали от страха: «Мама! Мамочка, спаси меня! Мамочка, где ты?» Воспитатель прижала нас с подругой к себе: «Успокойтесь, девочки! Теперь я буду вашей и мамой и вашим папой!»

Собирались очень быстро. Надо было дойти до Минска. По дороге многих детей встречали родители, только моей и Танюшкиной мамы не было. Вдруг по цепочке передали, что немцы захватили Минск. Пришлось спешно поворачивать назад...

Неожиданно я услышала от девочки с другого отряда: «Я видела твою маму убитой».

Меня успела подхватить Прасковья Ивановна. Больше я ничего не помню. Доктора сказали, что у меня провал памяти...

– Ирочка! Кого ты, детка, из нас помнишь? – спрашивали постоянно меня взрослые.

Я никого не узнавала и не помнила. Не узнавала я и свою подругу Танюшку.

Она плакала возле меня, а я смотрела на неё и ничего не понимала, задавая себе один и тот же вопрос: «Как же я теперь буду жить? И что мне теперь делать?»

...До Пензы все доехали благополучно, не считая того ужаса, который мы видели по дороге. Но наши головы Прасковья Ивановна поворачивала в другую сторону, говоря: «Не смотрите, дети. Не забывайте. Старайтесь вспоминать только хорошее, и думайте тоже о хорошем».

По дороге Танюшка рассказывала мне о представлениях в цирке, на которые мы вместе с ней ходили. О том, как нам с ней весёлые клоуны вручили два шара – красный и зелёный. Старалась изо всех сил меня рассмешить

– Прасковья Ивановна, зачем она мне это всё рассказывает? – спросила однажды я у нашей воспитательницы.

– Иришка! А фамилию мою ты вспомнила?

– Новикова, – ответила я.

– Вспомнила! Вспомнила! Голубка моя! Правильно у нас с тобой одинаковая фамилия! Всё вспомнишь! Только придётся немного потерпеть, – успокаивала меня Прасковья Ивановна.

Теперь главное для меня не было человека на этом свете. Фамилия её всплыла как-то сама собой. И я не понимала, от чего это, произошло?

Снова подходили ко мне наши доктора, но имени их я не вспомнила, никого из них я не узнавала.

Танюшка не отходила от меня. Однажды она выпросила у девочек плюшевого мишку: Танюшка знала из моих довоенных рассказов, что эта игрушка была самой дорогой и любимой.

Утром она вложила мишку мне в руку.

– Что это? – спросила я её.

– Иришка! Это же твоя любимая игрушка. Помнишь, какие удивительные сказки про медведей ты мне рассказывала. Тебе такого медведя на день рождения подарил твой папа.

Но я отрицательно покачала головой.

– Нет, ничего я не помню... И папу не могу вспомнить... Прасковья Ивановна! Ничего не помню. Не помню! Не помню! – закричала я и заплакала.

– Ничего, ничего, роднулечка! Ты скоро всё вспомнишь. Мы все в это верим. Всё наладится и память обязательно вернётся к тебе.

В детском доме, куда нас разместили, меня осмотрели другие врачи. Но так же, как и наши врачи, сказали: «Всё зависит от ухода и времени».

После обхода врачей ко мне заглянула Танюшка.

– Иришка, ты не знаешь, кто такой «уход»? Я под дверью подслушивала, что они тебе говорили. Но про какой уход они вели речь?

Вошла Прасковья Ивановна.

– Прасковья Ивановна! Уход – это кто? Это тётенька или дяденька? – спросила Танюшка её.

Прасковья Ивановна улыбнулась, но ответила: «Вот ты каждый день к Иришке приходишь, заботишься о ней, поправляешь ей постель, читаешь её книжки, взбиваешь подушки – это и называется «уход». Понятно, малышка? – спросила Танюшку, улыбаясь, Прасковья Ивановна.

– Так неинтересно. А я то думала, что это что-то такое необыкновенное, чудесное.

– Он действительно у тебя такой удивительный и преданный твоей подруге, направленный только на её выздоровление.

– Только мне кажется, что она тоже не знает меня. Вы меня по имени называете, а она повторяет...

– Потерпи, – успокаивала воспитатель девочку. – Знаешь, как будет прекрасно, если она всё вспомнит?

Вдруг послышался крик Иришки. Они ворвались в комнату: Иришка стояла на кровати.

– Мама! Я видела во сне маму! Видела наш зелёный дом! Там у крылечка одна ступенька красная, а другая синяя – это краски не хватило. Я покрасила, а мама меня совсем не ругала. Ей тоже понравились разные ступеньки.

К Иришке подошла доктор. Она села к ней на кровать и взяла девочку за руку. Потом тихо спросила: «Иришка, как звали твою маму?»

Иришка, глядя куда-то вдаль, ответила: «На ней было платье в серый горошек и такой же серый платок...»

– Она не слышит моего вопроса, – так же тихо ответила доктор Прасковье Ивановне. – Будем считать, что это тоже результат...

Но Иришка продолжила говорить: «А потом ещё в парке у мамы сломался каблук, но она не плакала, а только звонко смеялась. Дядя Леня, когда узнал о нашей беде – прямо во дворе починил туфли...»

Мы все стояли как замороженные. Ждали, что девочка ещё что-нибудь вспомнит, но она больше ничего не сказала. Схватившись обеими руками за голову, она упала Прасковье Ивановне на руки, потеряв сознание.

Три дня Иришка была, как в ступоре. Все переживали.

Однажды в ворота детского дома въехал грузовик. И женщина стала быстро отдавать команды по его разгрузке. Привезли кровати, одеяла и продукты.

– Елена Ивановна? Вы? – Прасковья Ивановна обняла женщину. – Вы – Иришкина мама. Вы ещё к нам в лагерь каждую субботу приезжали её проведать... Она здесь! Мы сумели вывезти лагерь и почти всех детей.

– Девочка моя! – крик просто оглушил всех нас. Где она? Где? Мне сказали, что эшелон разбомбили, но я не верила!

– Она потеряла память, – сжав больно руку Иришкиной маме, сказала Прасковья Ивановна. Меня послали за врачом и нянечкой, потом они все трое направились в палату к Иришке.

– Дай Бог, всё получится! Но если она вас не узнает, прошу вас, не настаивайте. Она очень медленно обретает то, что потеряла.

– Хорошо!

И Елена Ивановна прошла в палату к дочери. Иришка пока никак не отреагировала на её приход. Елена Ивановна сложила кисти рук так, что из них получился голубь.

Иришка посмотрев, улыбнулась.

– Так мама мне и Егорке показывала. Ты откуда знаешь? – спросила Иришка.

– Иришка, я твоя мама! Я приехала к тебе! – она сняла военный берет, и по плечам рассыпались волосы – локоны, точно такие же, как у Иришки.

– Не подходи! – закричала девочка. – Мою маму убили! – и Иришка отодвинулась от женщины.

Елена Ивановна приезжала в наш детский дом через день и часами сидела у кровати дочери. Но результат был один и тот же: Иришка не узнавала её.

Прасковья Ивановна рассказала ей о том сне, который видела Иришка, и её мама сразу же поехала в город, надев то платье в серый горошек, в котором её вспоминала Иришка. В нём она вошла в палату. Девочка обернулась на её шаги.

– Мама, Мамочка! – услышали мы все радостный крик Иришки. – Где ты так долго была? Почему не приходила?

Все: от врачей до санитарок, от воспитателей и нас детей, конечно, плакали, наблюдая, как Иришка целует материны волосы, как расправляет воланы её платья в серый горошек.

Они долго-долго сидели обнявшись. И говорили о чём-то только известном им: матери и дочери.

Елена Пономаренко «Младший брат»

Чёрные клубы дыма, казалось, теперь плыли, словно облака. Горело всё: что можно было и нельзя – деревья, дома, цветы... И не было этому конца и края. Набрав, полные лукошки душистой земляники, мы возвращались домой. Мы – это я и мой брат Костик.

Уже не было в живых ни мамы, ни бабушки, как и не было нашего дома. Не было никого: немцы спалили всех, закрыв их в огромной конюшне.

Я сам это видел. Оставив Костика подальше от деревни, решил пойти на разведку, поняв, что в деревню возвращаться было не безопасно...

Костик был моим младшим братом, и я почувствовал теперь, какая ответственность легла на меня. Кругом только лес и никого больше: ни родных, ни соседей. Из деревни не осталось ни одного целого дома. Трубы, кругом только трубы на месте домов...

– Димка! – вернул меня из забытья голос моего брата. – Димка! Я есть хочу и спать.

– Костик! – попытался уговорить я брата, – Сам того не понимая, что же мы теперь будем есть? Начал разгребать обгорелые деревяшки.

– Здесь должна быть кухня, – рассуждал я сам с собой. Значит, рядом должен сохраниться погреб, выгореть он не должен. А в нём бабушка всегда хранила молоко, простоквашу и творог. Нет, не должен он выгореть, – подумал я и уже уверенней стал откидывать обгорелые головёшки.

– Костик, копай тоже! В погребе должно быть молоко. Помнишь, его туда всегда бабушка ставила в кринках. Тогда можно будет и поесть! Работай! Работай сильнее руками. Сам ведь только что сказал, что есть хочешь!

– А где все? – тихо спросил меня Костик.

– Они все в лес ушли по ягоду. Сам видел, сколько ягоды нынче в лесу! – соврал я ему. Костик в ответ только утвердительно кивнул мне головой.

Мне показалось, что я убедил брата, и он стал быстрее копать и откидывать в сторону обугленные деревяшки.

Наконец мы увидели обитую железом крышку нашего погреба.

– Расчищай, Костик! Мы нашли его, – заорал я, увидев знакомую подковку, которая служила нам вместо ручки.

Открыв погреб, мы с Костиком забрались туда. Там было как всегда прохладно и на отведённом бабушкой месте стояли кринки с молоком. Молоко пропахло дымом и гарью.

– Я же тебе сказал, что молоко обязательно будет в погребе! – и протянул кринку Костик. – На, пей! Только не всё! Мне тоже оставь, немножко, – предупредил я брата.

– И всем остальным! – ответил мне Костик. – Они тоже голодные вернутся! Верно? – спросил он меня.

– Конечно! – согласился я с братом с глазами полными слёз.

Банки я аккуратно спустил вниз, освобождая полку и получила совсем приличная лежанка.

– Костик, давай, ешь! И можешь лечь поспать. Ты здесь точно поместишься.

Костик утвердительно махнул головой.

– Только я не понимаю, куда делся наш дом?

Но я не дал ему договорить.

– После тебе расскажу. А сейчас спать!

Уложив Костика, и удостоверившись, что он сладко засопел, я приоткрыл погреб и выбрался наружу, в надежде найти хоть какие-нибудь вещи.

А перед глазами стояла картина, которую никогда мне не забыть...

...Резиновыми дубинками и автоматами всех сгоняли в конюшню. Тех, кто сопротивлялся, пристреливали на месте.

Из всей толпы односельчан я вдруг увидел маму, она придерживала с одной стороны деда, а с другой бабушку. Наши глаза встретились. По её взгляду я понял, что не надо высовываться. Я рванулся было, но меня снова остановил её взгляд.

Кивком головы она показала на лес, как будто говоря: «Прячься сынок! Уходи!» В синих глазах её застыл ужас и страх.

– Мапочка! – так хотелось крикнуть, но мысль об оставленном в лесу Костике, не давала мне это сделать...

Крики и стоны: всё смешалось в этот момент. Тех, кто не поместился в конюшню, расстреляли у ворот, потом облили бензином и подожгли.

В свои десять лет я перечитал много книг о гражданской войне, как и любой мальчишка играл в «войнушку».

– Обливайте бензином! Пошевеливайтесь! Пока они двери не распахнули!! – командовал, выслуживаясь, наш одноногий сосед.

Вся наша ребячья гвардия ненавидела его, дав ему прозвище «сморчок». И «сморчок» выполнял с охотой порученное ему дело. Улыбаясь, он толкал в спины ружьем своих же односельчан.

Немцы, видимо, не простые солдаты, одетые в длинные чёрные плащи и высокие фуражки, смеясь снимали эти кадры на фотоаппарат.

– Гады! – вырвалось у меня. – Детей-то за что? Кто вас звал на нашу землю?

...Красное пламя снизу стало лизать двери конюшни. От крика людей, я, казалось, глохнул. Слезы бежали по моим щекам.

Двери они подпёрли шпалами и выбраться оттуда не представлялось никакой возможности.

Знойный день и алое пожарище всё смешалось воедино. Все два часа, пока горела конюшня, я, наблюдая, с силой сжимал кулаки. Несколько раз порывался кинуться на помощь, но пронизательный мамин взгляд останавливал меня.

К Костику я вернулся уже ближе к обеду. Решил ему ничего не рассказывать, только сказал, что дом наш сгорел от замыкания электропроводки.

– А мама? – спросил он меня сразу.

– Мама и все остальные ушли в лес собирать ягоды.

Сначала он вроде бы поверил, но потом совсем не по-детски спросил меня:

– Ты, наверное, меня обманываешь?! Скажи правду! Я плакать не буду. Когда плохо бывает, друг друга расстраивать нельзя. Так наша бабушка говорила...

Мне показалось, что он даже повзрослел за эти несколько часов, стал больше ростом. Его доверчивый детский взгляд, сменился обеспокоенностью.

Два дня Костик молча страдал со мной. Мы облазили все окрестности нашей деревни в поисках еды и воды. Обнаружили колодец, и ещё три таких же погреба, как и наш. Еды пока нам хватало.

И вот однажды Костик принёс мне платок нашей мамы.

– На кусте калины был завязан... – Это мамин платок! Я узнал его! Скажи, что с мамой?

Я не сдержался: схватил его в охапку, прижал к себе и минут пять рыдал навзрыд, совсем не стесняясь своих слёз. Прижимая платок к груди, плакал и мой младший брат.

– Мамы не будет... Я всё понял... Зачем ты меня обманывал Димка? Зачем врал? Они не вернуться? Значит, остались мы только вдвоём?

– Значит, так! – ответил я ему.

Костик свернул платок и засунул его за пазуху.

После двух недель скитаний по лесу, мы с братом набрали на беженцев из соседней деревни. Так у них и остались. Люди, которые нас приютили, оказались отзывчивыми и добрыми. Но с тех пор у Костика начались приступы эпилепсии – «падучей болезни». Он вздрагивал всем телом, его били судороги и мамин платок всегда выпадал мне на колени. Единственное, что осталось от нашей мамы...

Елена Пономаренко «Ленка»

Поезд мчал нас уже далеко от нашего города. Посадка была очень сложная. Нас у мамы двое – я и мой брат Пашка, совсем маленький, мама называла его «грудничок».

Моя мама передала его какой-то женщине в окно, затем просто втолкнула в этот же вагон меня, а сама сумела сесть только в последний вагон: уже на ходу поезда какой-то офицер подал ей руку и втащил в тамбур.

Но этого я всего не знал, сидя на баулах и держа на руках Павлика. Старался не думать о плохом, что мама могла отстать от нашего поезда при посадке. Я терпеливо её ждал.

– Куда мамка-то ваша делась? – спросила меня женщина с маленьким ребёнком на руках. Видя мой обеспокоенный взгляд, продолжила: «Не волнуйся! Давай-ка, иди сюда! Я потеснюсь. Мы должны поместиться здесь вдвоём».

Прошло уже минут десять, а мамы всё не было и не было. Стало страшно не за себя, а за Павлика.

– Что буду делать? Вдруг она и правда осталась на станции? Павлика кормить скоро! – взглянул я на Павлика и ещё крепче прижал его к себе.

– За это не переживай! Буду кормить скоро свою и твоего братика покормлю, – угадывая мои мысли, сказала моя попутчица.

– Меня тетей Катей зовут. А тебя?

– Как папу – Николаем, – гордо ответил я ей.

– Значит, ты у нас Николай Николаевич? Приятно познакомиться.

– Коленька, Коляшка! – это был мамин голос. Только она меня так называла.

Я увидел её, пробирающуюся к нам.

– Мама, родная! Мы здесь! – закричал я.

И мама, услышав мой голос, активнее стала пробираться к нам.

– Пустите, люди, добрые! Сыночек у меня там, – объясняла она всем, кто попадался на её пути.

У меня на руках проснулся Павлик. Не захныкал, а закричал сразу, а делать он это умел за двоих. Вот и сейчас не просто кричал, а орал.

– Тише, тише! – успокаивал я его. – Вот и мама наша нашла. Сейчас тебя дурачка покормит! Успокойся!

– Коляшка, родненький, сыночек! Думала уж не найду вас! Сильно испугалась! – усаживаясь на моё место. Павлик, почувствовав мамины руки, сразу затих.

– У, крикун! – сказал я больше с любовью, чем с обидой.

...В вагоне было душно и жарко, казалось, что сто солнц сразу обогревают наш вагон со всех сторон. Открывали окна. Женщины с маленькими детьми возмущались, но дышать хоть на чуть-чуть становилось легче. Но к ночи мама вдруг обнаружила, что Павлик весь горит. Он не плакал, нет, но был весь, как «варёный».

– Коленька, боюсь, у нас Павлик заболел! Горит весь! Что делать будем? Надо бы доктора...

– Да где его теперь найдёшь, мама? – встревожено ответил я ей, щупая голову Павлика.

– Постарайся распаковать баул: в нём должна быть бутылочка со спиртом, надо обтереть его, снизить как-то температуру. Сможешь достать?

– Попытаюсь? – обнадеживающе ответил я, пробираясь к указанному баулу.

Поезд дёрнуло так, что с верхних полок посыпались чемоданы, люди, и кто-то крикнул:

– Выходите с вагона! Если не хотите здесь умереть! Самолеты бомбят станцию, к которой мы подъезжаем!

– Коленька, сынок! Пробирайся к выходу!

– А баулы?

– Да, Бог с ними с баулами... Самим бы в живых остаться! Поторапливайся, сынок, поторапливайся!

Рвались бомбы. От их свиста и крика людей мы с мамой почти не слышали друг друга. Я, работая локтями, пробирался к выходу, за нами двигалась тётя Катя со своей девчонкой на руках.

– Скорее! Скорее! – торопили они меня.

Свист очередной бомбы разорвал всё и всех. Состав горел. Впереди нашего вагона образовалась огромная воронка. Я спрыгнул на землю, протянул руки, чтобы взять Павлика у мамы и Ленку у тёти Кати.

С двумя «орущими свёртками» спустился с насыпи и, споткнувшись, упал, и дети чуть не выпали из моих рук.

– Коленька! – это было последнее, что я услышал. Мама прыгнула ко мне и помогла поднять Ленку и Павлика, побежав от вагона.

А тётя Катя осталась в вагоне, её оттеснили от мамы, и мы только слышали её голос: «Леночка! Доченька! Да пустите же!»

Рвануло так, что красное зарево обожгло мне руки, голову, совсем сожгло брови и ресницы. На месте нашего вагона зияла такая же воронка...

Мы лежали, с мамой, закрыв собой Павлика и Ленку, слышен был их не крик, а писк.

– Если пищат, то живы!, – подумал я. – А это самое главное!

– Коленька! Дети живы?

– Живы и наш, и тёти Катина! – поднимаясь, ответил ей я.

В голове шумело, почему-то стало рвать. Повсюду лежали убитые и раненые. Рельсы вывернуло, горели оставшиеся вагоны...

– Коленька! – тормошила меня мама. – Поищи, Катю! Может где раненая лежит?

Шатаясь, я обошёл воронку вокруг, меня мучило. Долго звал и кричал её по имени, но никто не откликнулся. Только два баула: наш и тёти Кати валялись по другую сторону от железнодорожной колеи.

Вдруг взгляд мой выхватил яркие голубые бусы. Они были надеты на шею тёти Кати, а теперь лежали с чьей-то оторванной рукой. Знакомые часы, подсказывали мне, что это была рука тёти Кати.

– Господи, какой ужас! Бежать! – закрыв лицо руками, я бросился назад к маме.

Мама ничего, не спрашивая, всё поняла по моему лицу.

– Девочку возьмём себе... – тихо сказала она, вытирая слёзы.

– Её Леной звать, – так же тихо ответил я ей.

К ночи нас всех подобрала какая-то военная машина. Павлик совсем разболелся. Он кашлял и хрипел, задыхаясь. Пока мама занималась Павликом, я держал на руках Ленку. Она была почти одного возраста с Павликом: месяцев пять-шесть, не больше.

Павлик снова стал задыхаться, он уже не плакал, а хрипел всё больше и больше. Я видел, как мама молилась, хотя этого никогда не умела делать, и в церковь никто из нас не ходил.

– Помоги ему, господи! Помоги! – слышал я её шёпот. Видя, как она прижимает Павлика и плачет, у меня тоже покатались слёзы, капая Ленке на лицо. Она, тихо посапывая, спала у меня на руках.

Так мы доехали до станции Первомайской. Шофёр, зная о нашей беде, остановив машину, побежал искать доктора. Маму и Павлика уложили в лазарет.

– Будем надеяться, – сказал доктор, обращаясь к маме. – Остаётся только надеяться! – повторил он. – Я буду часто навещать вас. А тебе мальчик и твоей сестре здесь не место. Выйди, пожалуйста, в коридор. Там есть кушетка. Нельзя здоровому ребёнку находиться с больными. Есть возможность заразиться. Я понятно говорю?!

– Поняла, Ленка! Ты мне теперь сестра!.. – И мама теперь у тебя – моя мама... Всё будет хорошо. Только бы Павлик поправился!

И я вышел с Ленкой в коридор.

К утру Павлику сбили температуру. Маме разрешили его и Ленку покормить. Ленка сосала грудь и захлёбывалась молоком. А мама, улыбаясь, говорила ей: «Не жадничай! Обжорка, Павлику оставь!»

Павлик пососал немного и уснул. Он был ещё слаб. Маме выдали простыни, и она смогла перепеленать теперь уже моих сестру и брата.

Павлик поправился. И через три месяца нас переправили в Казахстан. Мы нянчили Павлика и Ленку: не деля их на своего и чужого. Папе мама написала о Ленке всю правду.

В треугольнике-ответе, который мы получили, от него, были, такие слова: «После войны разберёмся, Галчонок! О девочке позаботьтесь, как о своей. Всё будет после войны!..»